

НЕОКУЛЬТУРНЫЙ БАЛЛАСТ В СМЫСЛОВЫХ СТРУКТУРАХ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

OKSANA LEONTIEVA

Uniwersytet Ekonomiczny i Prawny „KROK” w Kijowie

THE NEO-CULTURAL BALLAST IN THE SEMANTIC STRUCTURES OF NATURAL LANGUAGE. The neo-cultural ballast is built into the semantic structures of language. It modifies them and influences the ways of functioning of language in the public consciousness. This leads to violations of the established semantic system of language, and to new ways of combining the sense units, creating a new holistic system of ideas about the world as a result of knowledge. On the other hand, the conscious ability of a person to record sensations, perceptions, concepts, judgments and reasoning changes. These processes affect a person's self-awareness and, consequently, cultural and social stereotypes.

Keywords: *neo-cultural ballast, semantic structure of language, natural language, linguistic turn, perception, thinking*

Сознание общества и человека, в частности, является тем особым модулем познания, который фиксирует не только внешнее проявления мира и внутренние формы его реализации, но также и способно переводить бессознательные ментальные процессы в область сознательного. Это особая форма мирочувствования, которая позволяет Я-индивиду сосуществовать одновременно в мире внутреннем и в мире внешнем, моделируя реальность под определённые познавательные процессы, происходящие вокруг понятия Я-МЫ (индивид-общество), то есть является неотъемлемой частью человека и культуры как таковой. По Лейбницу, сознание появляется лишь тогда, когда бессознательные представления души воспринимаются нашим Я. Другие учёные определяли сознание как особое внутреннее чувство, как присущую индивиду способность различения, как сумму всех имеющих на лицо представлений. Вундт говорит, что: *сознание есть необходимое условие всякого внутреннего опыта* (Wundt 2010: 15). Таким образом, сознание – это некий переживаемый опыт получения знаний при помощи мыслительного процесса и чувственного восприятия, то есть мысли-

тельного представления и чувственного переживания. Оно является фундаментальным свойством мозга, способного создавать и преобразовывать субъективные образы объективного мира в своих модулярных плоскостях, которые, в частности, формируют представления, понятия, значения и смыслы. Мыслительное представление и чувственное переживание являются результатом взаимосвязи нескольких типов восприятия, которые связывают уровни бессознательного, подсознательного и сознательного (осознанного). Интеллект человека устроен так, что ему лучше работать с формами, а не с образами. Любая рациональная информация, будучи сведена к форме (формализована) и закреплена в интеллекте, начинает участвовать в чувственных процессах, а рациональные модели становятся инструментом чувственного познания, то есть сознание фиксирует мысленный образ и способно направлять его в определённую ячейку созданной картины мира. Мир человека развёрнут в слове. Для человека слово играет роль своеобразного *якоря*, ориентира, посредством которого на разных уровнях осознаваемости оно *высвечивает* некоторый фрагмент предшествующего опыта индивида, актуализированного в том или ином ракурсе с определёнными *поправками*. Отдельное слово, оторванное от контекста ситуации, не способно вызвать у человека определённую смысловую коллизию. Коллизию смыслов может вызывать только речь. Смысловые языковые коллизии всегда возникали в естественном языке, а следовательно и в культуре.

Язык оперирует корнями. В языке на протяжении веков сохраняются архетипы этнического мышления и поведения. Именно в языке мысль развивается посредством слова. Изменить архетипы мышления практически невозможно, поскольку они даны в корневом запасе языка. Сознание оперирует смыслами. Смысл порождается сознанием в результате мыслительного процесса, который образует связи между образами в психике человека. Связь между мыслью и другим образом образует новый более сложный образ. Следовательно, смыслом является возникающий в процессе мышления более сложный образ чего-то. Смысл раскрывается в тексте, смысл слова в контексте его употребления. Раньше с процессом образования сложных образов справлялся естественный язык, создавая синонимические ряды, слова которого могли реализовать несколько сложных образов, поскольку в синонимических рядах изначально закладывалась смысловая подвижность. Поэтому сознание человека всегда находилось в рамках его культуры и выработанных столетиями законов общества.

Лингвистический поворот интенционализировал смыслы как элементы (или необходимые условия) новой социально-цивилизационной культуры, теперь главную сущность любой культуры составляет язык мышления, то есть на передний план новой цивилизационной культуры выходит то, что Лоренц называет *техноморфной мыслью*

(Lorenz 1988: 58). Как следствие, изучение мышления привело к препарированию естественного языка, разделение его на части-составляющие (речь не идёт о структурных составляющих, таких как грамматика или лексика) и к истолкованию этих частей, взятых по отдельности, в интерпретационных рамках. Для этого были созданы различные модели интерпретаций, которые очень часто нарушали целостность смысловой структуры естественного языка и иногда для объяснения определённого языкового феномена искажали само смысловое поле языка. Именно лингвистический поворот создал предпосылки к быстрым изменениям в смысловом поле естественных языков путём разных истолкований языковых явлений, значений слов и других структур естественного языка. Лингвистический поворот ввёл как главную в развитии человека и общества в целом парадигму *язык и мышление*, поэтому к существующей до него (главенствующей) парадигме *Homo sapiens* (человек разумный) присоединяется новая парадигма *Homo Linguae* (человек лингвистический). Основу этой парадигмы составляет техноморфное мышление, с помощью которого человек способен разбирать или разбивать любую систему на *технические* части. Человек как *Homo Linguae* может *убить* слово (то есть исконное его значение): принести его в жертву, то есть поменять значение и смысл, или приостановить его простым введением минус, то есть заменить его другим, удалив таким образом из языкового словаря естественного языка (а собственно и из сознания) органично вплетённое в его картину мира слово. Благодаря роковому слову *нет* (Virno 2013: 27), человек может отказаться от своего инстинкта познания и деактивировать перцептивные доказательства. Именно лингвистический поворот с фокусом на структуре и использовании языка и соотношении языка с пониманием его человеком создал предпосылки к интенсивному нагромождению балласта, потому что система естественного языка не может быстро реагировать на новую практику коммуникации (появился язык науки, язык политики, язык права и др.). Если раньше эти процессы происходили медленно, фиксируясь в течение длительного периода в сознании человека и адаптировались в системе естественного языка, то сейчас этот процесс происходит в течение одного поколения, то есть практически не успев закрепить предметную реалию не только в языке, но и в сознании человека и культуры и существует как балласт (лишнее или ненужное) в системе естественного языка с мало понятными или часто совсем непонятными для носителя той или иной языковой культуры словами с абстрактным значением.

На первых этапах становления нового *Homo Linguae* из языка вычленились тематические сегменты, которые в дальнейшем развивались или путём замены исконного слова, которое гармонично вписывалось в систему естественного языка, на другие, более *профессиональные* слова, в основном заимствованы из латинского языка,

или неестественным употреблением (то есть не в традиционном, закреплённом языке значения слова) уже существующего в естественном языке. Фактически, речь идёт о создании новых коннотаций существующего слова. Заимствованные *профессионализмы* часто были вырваны из контекста родного языка, который определял значение и смысл этого слова, при этом также свободно интерпретировалась или полностью искажалась его этимология. Поэтому семантика таких слов оставалась непрозрачной для носителя естественного языка, а следовательно и культуры, что приводило к внутреннему конфликту восприятия нового слова в сознании человека. Таким образом, в структуре естественных языков начали возникать смысловые лакуны – заполненные непонятным для носителя естественного языка смыслом, который начинал разрушать устоявшиеся в сознании человека смысловые связи восприятия и понимания картины мира. Такие смысловые лакуны открыли дорогу языковым экспериментаторам, которые создавали вокруг непонятого для носителя языка иностранного слова смысловое поле искажений. С другой стороны, Homo Linguae как Homo Libera (человек свободный) с интенсификацией смысловых лакун в системе естественного языка бессознательно начинает нарушать или искажать заложенные в его сознание языковой культурой моральные законы, которые вместе с восприятием задействованы в организации и выражения картины мира. Эти законы органично вплетены в смысловое поле и смысловые структуры естественного языка, поэтому картина мира человека обладала и устоявшимися естественными нравственными законами. Кант считает, что моральный закон – это все, что мы можем представить себе о свободе. Свобода выведена из закона, следовательно, из необходимости. Но моральный закон бессознателен – это означает, что *это внутри нас*, а бессознательное – это акт, а не представление, поэтому Кант называет осознание нравственного закона *veritas in factum* (то, что есть на самом деле, правда): осознание нравственного закона является фактом разума, бессознательного разума. Другими словами, осознание нравственного закона является активным, оперативным сознанием (факт происходит от лица): *Разум, когда речь идет о законе нашего умопостигаемого существования, не признает никакой разницы во времени и спрашивает только, принадлежит ли мне факт, как мое действие и в этом случае всегда морально связывает одно и то же ощущение, произошло ли это моментом раньше или позже* (Kant 2007: 220), то есть речь идёт о моральном сознании человека, благодаря которому в обществе устанавливаются определённые правила взаимоотношений между людьми и оно (сознание) развивается по мере приобретения жизненного опыта человека. Биологические витальные потребности, социальные потребности, идеальные потребности (познание и творчество), и потребностей преодоления (воля) – все они в комплексе формируют

поведение человека, которое основывается на взаимодействии деятельности речи и языка, мышления и сознания. Искривление в смысловых структурах естественного языка сопряжено с появлением смысловых лакун и разрывом естественных смысловых связей в его содержании, а также искривления в бессознательном моральном поле затронуло и интеллектуальную систему человека (интеллект работает с формами-образами), в которой начали происходить подобные явления, а именно в сегменте морального интеллекта, как активном интеллекте, который начал реформироваться в отношении того, что Кант называет *das Pathologische*, то есть патологический (как отклонение от устоявшейся нормы, в данном случае мы считаем от устоявшейся в сознании человека носителя культуры языковой модели картины мира своей культуры) (Сапро 2017: 7–8). Последние исследования подтверждают, что использование иностранного языка меняет моральные суждения человека. Моральное отношение к негативной ситуации на родном языке более активно и такая ситуация воспринимается как нарушение моральных норм, но эта же ситуация, для оценки которой использовался иностранный язык, вызывает у человека поверхностное суждение и воспринимается как обыденное явление (Geipel 2015: 4–5). Следовательно, язык не только фиксирует культурное пространство, но и выступает носителем моральных кодов, поддерживая моральные устои общества, которое он обслуживает.

Созданное лингвистическим поворотом техноморфное мышление сместило фокус процесса мышления и активизировало балласт в языковых технологиях, которые повлекли за собой изменения в смысловых структурах естественного языка. Например, это касается технологии изменения языковых сущностей. Рассмотрим это на примере русского и английского языков. Английский язык – это язык синонимов, то есть множества корней (сущностей); русский язык – это язык откорневого образования. Если в русском языке сущности (значения) умножаются или просто усложняются переделками имеющихся слов с помощью приставок и суффиксов, то в английском языке сущности (значения) умножаются новыми словами. Заимствование технологии умножения сущностей из английского языка в русский привело к тому, что в сформированные синонимические ряды внедряются новые слова, которые нарушают их целостность. Например, слово *training* в английском языке обозначает действие обучения человека или животного определённому умению или типу поведения. Помимо этого исходного значения у этого слова существует множество синонимов – 18. В русском языке английское слово *тренинг* имеет немного другое объяснение и означает любую систему тренировок с целью совершенствования в различных областях жизни, а также для снятия с кого-либо отрицательного воздействия. Практически, интерпретация исходного слова, в которой уже смещены смысловые акцен-

ты, повлечёт за собой нарушение в смысловом поле русского языка. Слово *training* переводится на русский как обучение, подготовка, тренировка, воспитание, дрессировка, выучка – все эти слова понятны носителю русского языка. Но в словаре синонимов русского языка к слову *тренировка* находим интересный ряд – воспитание, обучение, тренинг, тренаж; подготовка, упражнение, надработка, накачка. Слово *тренинг* в русском языке уже имеет достаточно емкую частоту употребления – 5 против 26 слова *тренировка*, что составляет 5 часть или 20% от смыслового ядра, обычно используется в русском деловом языке как обучение определённым навыкам ведения бизнеса и находится в смысловом поле *обучение делу, обучение мастерству*. Слово *обучение* в русском языке обозначает процесс, совместную целенаправленную деятельность по получению новых знаний. Слово *training* в английском языке обозначает процесс изучения навыков, необходимых для выполнения определённой работы или деятельности, действия обучению человека или животного определённым умениям или типам поведения. Очевидной является разница в смысловых коннотациях семантически похожих слов двух разных культур: 1) русский язык: денотат учитель и денотат ученик – вместе; английский язык: денотат неизвестный или денотат учитель, то есть наблюдаем разделение – или сам, или кто-то; 2) русский язык – новые знания, английский язык – навыки; 3) русский язык – получить (результат) новые знания, английский язык – обучить (конец знаний) навыкам и поведению. На начальном этапе слово *тренинг* закрепляло за собой в смысловом поле русского языка действие как приобретение интеллектуальных навыков, то есть получения новых знаний (собственно полное смысловое совпадение в двух языках), но только для ведения бизнеса, потому что бизнес считается новой формой организации труда. Постепенно оно начало касаться и сферы чувственного восприятия, в частности отношения, и сферы физической реализации, в частности, новых навыков работы с уже давно знакомыми предметами или вещами. Сначала слово *тренинг* в естественной системе языка образовало *искусственную* лакуну. В отличие от лакун, которые выражают понятие о предмете, имеющееся в двух языках, но обозначают его в процессе выражения смысловых оттенков понятия, *искусственные* лакуны разрывают естественные коннотативные связи в языке, который заимствует слово, таким образом создают смысловые скважины. Новое слово с аналогичной семантикой из основного языка несёт в себе как доминанту актуальную по времени коннотацию своей языковой системы и перетягивает на себя аналогичную коннотацию из языка, который заимствует это слово. Таким образом усиливается его смысловое ядро в языке заимствования. Оно выступает как необходимое и как таковое, которое способно объяснить новую реалию.

Такие *искусственные* лакуны являются дуальными. С одной стороны, они ассоциативные. В. С. Виноградов, рассматривая ассоциативные лакуны, все же подчеркивал, что: *такие реалии закрепились в словах самых обычных. Они находят свое материализованное выражение в компонентах значений слов, в оттенках слов, в эмоционально-экспрессивных обертонах, во внутренней словесной форме и т.п., обнаруживая информационные несовпадения понятий, но сходных слов в сравниваемых языках* (Vinogradov 2006: 113). С другой стороны, они определяются как субъективно-смысловые, поскольку актуализируются в контексте при сопоставлении слов разных языков не только по объективно-вещественному значению, но и по коннотативному, т.е. значения, выражающие субъективное отношение говорящих к предмету мысли, его реакции, его ассоциаты.

Слово *дело* постепенно вымещается из одного сегмента смыслового поля русского языка, при этом в самом смысловом поле естественного языка создаётся *смысловая лакуна* и модель отношения-замещения *бизнес – дело*, которая возникла на начальном этапе, замещается моделью отношение-противопоставление *бизнес (большое и важное) – дело (маленькое и не столь важное)*. Со временем такая модель-противопоставление может стать эталонной. И при этом нарушать образованную естественным языком картину мира в сознании носителя этой культуры. Слово *тренинг* в этом синонимическом ряду закрепляет новую коннотацию как *новая, раньше не использованная, система приобретения навыков*, то есть внимание акцентируется на слове *новый*, что также вступает в оппозицию со словом *традиционный*, то есть *тренинг – это новое знание, обучение – традиционное знание*. Но в быстро меняющемся мире новое всегда считается более эффективным (благодаря средствам массовой информации). С одной стороны, слово *тренинг* выделяет в синонимическом ряду *обучение* как базовую или необходимую для неокультуры коннотативную доминанту (со временем эта доминанта может создавать новое смысловое ядро) *новые, быстрые знания*, и начало закрепляться в сознании человека, активируя его желание не глубоко постигнуть знания, а очень быстро получить результат от использования *таких* знаний. Это может привести человека к сознательному отрицанию не только традиции обучения, но и традиции ведения дела, и сформировать новую смысловую структуру в модели поведения: *быстрое обучение – бизнес – быстрые деньги*. Такие модели являются репрезентативными и не ограничиваются одним уровнем (порядком). Порядок репрезентации внутренних представлений может возрастать бесконечно. Поэтому модель поведения *быстрые знания – бизнес – быстрые деньги* существенно будет влиять на бессознательные нравственные законы, постепенно через язык разрушая основы столетиями сформированной культуры. С другой стороны, пока это

слово в естественном языке является балластом и часто приводит к дисбалансу в сознании человека. В поле традиционного обучения – результат постепенный и заметный, в поле нового быстрого обучения – результат или не заметный, или ситуативно быстрый, но не закрепляющийся длительной рефлексией. Мозг человека работает не только с информацией, но и со смыслом, при чём сама информация может радикально преобразовываться. *Воспоминание – это больше, чем извлечение файлов из памяти компьютера* (Rose 1995: 189). Сознание как социальное свойство многовариантного общения и универсального познания может изменяться очень быстро. Попав в изменившиеся внешние условия, наступают изменения в сознании. Изменения в сознании ведут к изменению в поведении (Murashkin 2006: 88–89).

Рассмотрим как ведёт себя балласт в системе *язык естественный – универсальный ментальный язык – картина мира*. Слово приходит из одного языка в другой со своим значением, наиболее оптимальным для обозначения каких-то новых ситуационных моделей в другой культуре, то есть несёт в себе новую реалию, и определённый период времени существует в нём как балласт, как излишнее, что отягощает языковую систему естественного языка. Языковой балласт возникает в семантических полях. А. Леонтьев считает, что балласт возникает там, где звуковое выражение слова не работает на его семантику, то есть в звуковом выражении слова не прочитываются понятные человеку языковые семантические коды (Leontiev 1997: 76). Слово-балласт со временем или отрицается языковой культурой (выбрасывается на периферию и существует как языковая маргинеса или уходит совсем), или начинает постепенно встраиваться как другая, новая социально-ситуационная реалия в язык. Как маргинеса это слово может продолжить своё существование в общем поле естественного языка или перейти в его языковые сегменты, такие как, например, научный язык, язык политики и др., которые могут существовать как самостоятельные смысловые образования. Например, английское слово *game*, одно из значений которого соотносимо с русским *дичь* (*можно подстрелить дичь, охота на крупную дичь* и др.) закрепилось в воровском жаргоне со значением *убийство*, то есть *гейм* – это *убийство* (состояние в английском языке и процесс в русском языке). Но *гейм* также и сет в теннисе (тоже процесс). В русском языке слово *гейм* является полисемичным, но не по смыслу и не по происхождению, как в системе естественного языка, а как межязыковой ассоциат и как одномоментное действие-процесс (существует в английском языке и отсутствует в системе русского языка). Практически одно слово заменяет разные по смыслу ситуации, результатом которого является наложение смыслов в сознании, что в свою очередь приводит к хаосу восприятия, чувств и эмоций человека. В ситуации *сыграть гейм* человек теряется в смыслах – это или сыграть сет

в теннисе, или совершить убийство (во втором случае сыграть гейм убийство воспринимается сознанием человека как просто игра, развлечение, что-то обычное и нормальное). И как результат происходит компрессия смыслов, развёрнутые смыслы теряют необходимость и важность для человека, при этом нарушаются его поведенческие структуры. Следовательно, убийство не рассматривается как что-то экстраординарное и порицаемое обществом, оно становится всего лишь игрой сознания, которое перестаёт фиксировать традиционную систему ценностей и регулировать согласно ей деятельность человека.

Ментальный язык, по мнению Дж. Фодора, является системой ментальных репрезентаций, которая напоминает естественно-языковую систему, строится на суждениях и представляет актуальный мыслительный образ того или иного события и соотносится с сознанием общества (Fodor 1975). Этот внутренний язык мысли кодирует информацию и обеспечивает её восприятие, оценку, преобразование, хранение и порождение. Мы предполагаем, что новое слово (заимствованное из другого языка) в ментальном языке изначально существует как ментальный балласт, поскольку слабо сопоставимо (или несопоставимо) с соответствующими перцептивными ментальными репрезентациями, наличными в данной языковой культуре. Несопоставимое с ментальными репрезентациями слово удаляется, а слабо сопоставимое начинает приобретать новый ситуативный смысл. Например, английское слово *drive* как побуждение или большая энергия в движении в русской языковой картине передаёт мощное движение вперёд и связывается с безрассудством и сумасбродством, которые всегда порицались русской культурой в сфере жизни человека. Поэтому слово *drive* как ограниченное временем состояния наивысшего подъема переносится в сферу жизни человека и используется как *драйв от жизни*, *драйв от отношений* и т.п. как ощущение и волнение, подчёркивая этим особое отношение к жизненным ситуациям, отличным от существующих в духовном складе культуры. Балласт в этом случае считается решающим в производстве смысла и изменений, связанных с этим смыслом.

Можно сказать, что смысл возникает при фазовом переходе от балласта. У человека есть привилегия делать определённый выбор, который следует из балласта как разумный, при этом человек способен изобретать и создавать новые и беспрецедентные формы. Например, от слова *драйв* образуется глагол *драйвонуть*, то есть получить максимальное удовольствие, прилагательное *драйверский*, который связанный с удобством вождения, скоростью перемещения на легковом автомобиле, или *драйвовый* касается музыки и понимается как ритмичный, эмоционально насыщенный, отсюда наречие *драйвово*. Эти формы смещают контекст от сферы социально сконструированных и изученных типов к новому конкретному выражению

постоянно меняющихся ситуационных потребностей и как результат новое слово вносится в словарь. Хотя в русском языке слово *драйвовый* соотносится с целым рядом синонимов, а именно *волнующий, возбуждающий, куражный, электризующий* и каждое из этих слов расширяется или объясняется другими словами – *волнующий*: трогающий, достающий, беспокоящий, тревожный, смущающий, тревожащий, шевелящий, пронзительный, жгучий, потрясающий, настораживающий, щекочущий; *возбуждающий*: зовущий, поднимающий, сексуальный, порождающий, заводящий, будящий, внушающий, рождающий, сеющий, зажигающий, дразнящий, эротический; *куражный*: смелый, азартный, озорной, хмельной, задорный; *электризованный*: будоражащий, возбуждающий, взвинчивающий, взбудораживающий, способных вызывать в сознании человека целый ряд чувств и эмоций, создавая различные часто не повторяющиеся смысловые ситуативные образы и расширяя картину мира человека. Вследствие смысловой компрессии слово *драйв* не способно вызывать в сознании русского человека многогранность эмоций и чувств, оно скорее блокирует их, потому что не создаёт никакой ассоциативной связи и не формирует ассоциативный ряд и таким образом не расширяет картину мира.

Разные ситуации порождают только одну эмоцию, вследствие чего *механизируется* эмоционально-чувственная сфера человека, обедняется его восприятие и как результат обедняется его реальность. Но с другой стороны, такие слова создают и существуют поле искажений, поскольку их значение отлично от значения в родном языке. Искажённое значение закрепляется и со временем такое слово становится эталоном восприятия другой языковой культуры, из которой оно происходит, и в сознании, например, русского человека оно уже существует не в реальном, а в искажённом виде, принимаемом за реальность.

Ментальные репрезентации соотносятся как с психикой, так и с разумом человека. Именно в них происходит конкретизация слова-балласта. При этом включается ещё один механизм разума – познание конкретного через отношение этого конкретного к эталону. Таким эталоном может выступать словообразующая структура языка. Содержание эталона – это результат познания совокупного опыта. Часть эталонов даётся человеку генетически (пространственные и звуковые формы, поскольку звук исключительно информативен), часть усваивается в виде значений и понятий или формируется в интеллекте в виде моделей. Процесс познания сопровождается непрерывным созданием и совершенствованием в интеллекте системы эталонов значений, понятий, моделей отношений. Эталоны обеспечивают определённость мировосприятия и непрерывность чувственного познания реальности. Такие эталоны способны порождать культурные и общественные стереотипы. Очень часто существующий стерео-

тип подавляет свободу воли человека, лишая человека выбора. Следовательно, сознание человека может фиксировать новое иностранное или сконструированное слово как нешаблонное, а значит свободное. В результате происходит наложение смыслов и человек или теряется в этих смыслах, или использует новое слово для нарушения или разрушения устоявшихся поведенческих традиций. Ментальный язык сопряжён с ментальностью или менталитетом человека как ментальных комплексов (мысли, принципы, образы, необходимые человеку для оценки и сравнения), являющихся некими указателями, которые направляют разум человека в жизни, помогают занять какую-то позицию. Следовательно, оставаясь в ментальном языке в виде балласта такие слова встраиваются в менталитет человека и общества, изменяя его устоявшиеся в культурной среде принципы и мысли, и со временем создают при повторяющихся речевых ситуациях эталонное значение в поле смыслового искажения, поскольку это значение поддаётся свободной трактовке интерпретатора (новое значение слова очень часто отличается от значения слова в языке-оригинале). Дальше оно закрепляется в сознании как нормальная поведенческая модель.

Слова-маргинесы (иностранное слово, которые имеют соответствия в естественном языке инокультуры) остаются в ментальном языке как балласт, потому что интеллектуальная система человека не может, с одной стороны, соотнести это слово с существующим эталоном, чтобы закрепить за ним соответствующую реалию, или, с другой стороны, не может создать на их базе новый эталон, который бы закрепил за этим словом новую реалию. Для создания такого нового эталона важно не только чувственное восприятие нового слова, поскольку в звуковом комплексе преобладает не постоянство чувственного восприятия, не единство образа, а постоянство аффекта, волевого и эмоционального переживания, связанного с определённой ситуацией (Katsnelson 2001: 521), то есть когда в нём возникает потребность человека. Такую потребность создаёт сознание (Kasyanova 2008: 76). Важность мышления, которое оперирует формой-образом реалии или предмета, состоит в том, что оно обладает подобной естественному языку системой, и в результате этого процесса язык закрепляет за словом определённую реалию. Обычно эти слова в языке являются абстрактными. Такие слова не связаны с предметной реальностью и могут быть встроены в любой контекст языковых сегментов, например, языка политики или др. Они остаются тем балластом, который снова переходит в естественный язык. Такие слова делятся и размножаются, не привлекая к себе внимания и пытаются полностью замещать собой существующие слова естественного языка. Но так как эти слова-маргинесы не созвучны с языком культуры, то они корректируют смысл старых, существу-

ющих в языке слов, которые замещают, но не производят нового смысла, поскольку не способны закреплять в ядре слова его значение, а следовательно и понятие.

Важный признак таких слов-маргинес это их кажущаяся научность. Начав говорить словами без корня, человек стал жить в разделённом мире, и в мире слов ему стало не на что опереться. А. Н. Афанасьев подчёркивал значение корня в слове: *забвение корня слова в сознании народном отнимает у образовавшихся от него слов их естественную основу, лишает их почвы, а без этого память уже бессильна удержать всё обилие слово-значений; вместе с тем связь отдельных представлений, державшаяся на родстве корней становится недоступной* (Afanasyev 1996: 459). Каждый крупный общественный сдвиг потрясает язык, в частности, он резко усиливает словотворчество. Когда русский человек слышит слова *биржевой делец* или *наёмный убийца*, они поднимают в его сознании целые пласты смыслов, он опирается на эти слова в своём отношении к обозначаемым ими явлениям. Но если ему сказать *брокер* или *киллер*, то он воспримет очень скудный, лишённый чувства и пробуждающий ассоциации смысл. И этот смысл он воспримет пассивно, апатично, поскольку при этом разрываются или нарушаются, или же полностью искажаются на бессознательном уровне нравственные коды культуры и нравственные коды человека, потому что человек в своей деятельности всегда обращается к архетипам (к глубинным пластам бессознательного), получая от них своё обновление и оправдание. Архетип в архаическом сознании человека: страх потеряв слово, потерять и себя (Osherev 2017: 141).

Слова-маргинесы, уничтожают всё богатство семейства синонимов и сокращают огромное поле смыслов до одного общего знаменателя. Он приобретает *размытую универсальность*, обладая в то же время очень малым, а то и нулевым содержанием. Такие слова, используемые для моральной оценки происходящего, не только разрушают нравственный код человека, но и *вырабатывают* в его сознании реакцию терпимости к моральным нарушениям в реальности. Следовательно, человеку не только не на что опереться, но он в сущности начинает терять свою базовую нравственную основу, что может постепенно приводить к саморазрушению (не чувствует разницы между хорошо и плохо, добро и зло).

Обратный переход от ментального языка к естественному языку тоже проходит через сознание, которое оперирует языковыми технологиями, часть из которых является базовой и *встроилась* в сознание человека очень давно, претерпев эволюционные преобразования вместе с эволюционно-культурными изменениями человека. Цицерон высоко оценивал как технологию способность человека трансформировать окружающую среду и создавать *вторую природу*. В некотором смысле слово *техно-*

логия глубоко касается культурных и общественных взглядов. В этом фокусе мы можем говорить о технологиях, которые существуют на уровне бессознательного. К ним можно отнести преобразование ощущений инстинктивного сознания в чувственное восприятие, коды которого создавали фундамент культуры и, следовательно, естественного языка как базового элемента этой культуры. Сюда же мы можем отнести и наделение корней слов не просто значением, а смысловым значением, словообразование и его элементы, которые возникли путём объединения корневых слов или их частей и другие технологии. Фактически все они выступали и выступают до сих пор как своего рода универсальные переводчики, способные переводить состояния, ощущения, чувствование и на основе этого всего действия человека в смысловое языковое поле сознания. Такой комплекс языковых технологий существует в сознании человека априори. С другой стороны, мышление человека при помощи эквивалентных смысловому полю естественного языка форм и структур способно переводить / трансформировать внешние образы во внутреннюю реальность. В связи с этим мы можем говорить об оборотных естественно-языковых технологиях. Такой процесс помогает в смысловом поле естественного языка поддерживать естественный интерпретационный гомеостаз, расширяя при этом само смысловое поле языка и вводя новые коннотации в корневые значения слов (Ocheretyanu 2017: 141).

В современности слово *технология* стало очень абстрактным и практически с 90-х годов прошлого столетия при помощи прессы стало в большинстве случаев синонимом к компьютерам и технике, поскольку связано с техноформизмом (в его новом, современном значении). Техноморфизм сегодня проявляется в создании не только ИТ-языков, но и непосредственно касается людей, которые используют компьютерную технология для описания собственных чувств и поведения. Такая форма коммуникации с собственными смысловыми языковыми кодами известна в ИТ-пространстве как *метафора рабочего стола*. Вот несколько примеров: *просто закладка* – смысл: *помни об этом*; *малыш ходил на заставку* – смысл: *исчерпывающе*; *я решил перезагрузиться* – смысл: *сменить место работы и начать другую карьеру*; *она бот* – смысл: *администратор из ада*; *давай обсудим это офлайн* – смысл: *далеко от этих людей*; *у меня нет пропускной возможности* – смысл: *уйти*. В данном случае при конструировании нового смыслового поля используются как слова естественного языка, так и профессионализмы. Такие созданные языковые модели не нарушают грамматическую структуру естественного языка, они *включены* в неё, что позволяет человеку в своём сознании соотносить их как правильные модели. К тому же все профессиональные слова тесно связаны с семантикой слов естественного языка, поскольку их используют в виде профессионализмов, но с усилением их

коннотативных значений. Следовательно, коннотации обычных слов естественного языка вместе с комплексом других слов с основным значением создают новый смысл высказывания и новое смысловое поле, которое может быть эквивалентным существующему в естественном языке. В данном случае речь идёт о поле-эквиваленте. Такое поле-эквивалент не является балластом в среде специалистов. Но существует как балласт в естественном языке и в сознании обычного человека. Таким образом, этот балласт формирует новый сегмент естественного языка – язык программистов (но не язык программирования). Опасность состоит в том, что человек, который общается при помощи такого языка, бессознательно *встраивает* их в свою логосферу, при этом теряя слова естественного языка с богатой семантикой, то есть может произойти обеднение языка. Такая языковая *бедность* имеет свойство передаваться по цепочке поколений и тогда слова естественного языка могут оказаться чем-то ненужным, то есть балластом.

Ещё одним примером техноморфизма является создание новоязов, которые активно функционируют в интернет-сообществах и одновременно являются балластом – с одной стороны, негативным, ненужным для естественного языка культуры; с другой стороны, в понимании пользователей этого языка обеспечивают им психологическую стойкость. Такие новоязы создаются при помощи языковых технологий естественного языка, но уменьшают количество использованных слов и обедняют их семантику. Такой тип моделей приводит не только к обеднению языка, следовательно, к обеднению восприятия, к обеднению мышления, к упрощению картины мира и в результате к экзистенциальным проблемам, которые будут касаться не только человека, но и общества и культуры в целом. Например, новояз, который используется русскоговорящими пользователями сети, называется олбанский язык или лукр. Пример текста на русском (такие тексты пишут в сети):

внимание! привет! как дела? у меня есть классный телефон, честное слово. а у тебя есть? нет? красавчик, офигеть, истерика, удивлен, ну ты товарищ даешь, в наше то время. кошмар, я в шоке, убей себя об стену. смешно, в избранное, ведь это просто отличный прикол! автор молодец! зачем тебе мозг? чтоб его водкой травить? в общем бери денег много и иди покупать. ага? пиши еще! пока!

И его перевод на олбанский:

ахтунг! превед! кагдила? у мну есть гламурный тилефончег, беспесды. а у тибя есть? нед? кросавчег, ибануцца, пацтулам, вапщеубилонах, ну ты камрад даешь, в наше то время. ужоснах, йоптвайумать,

убей сибя ап стену. ржунимагу, в мемориз, ведь это просто зачотный отжыг! афftar жжот! нах тибе моск? шоп ево фоткой травить? вопчем бери денюх питцот и иди пакупать. ога? пеши исчо! пака!

Или текст на хорошем русском:

друзья! кто сегодня пойдет на вечеринку? давайте обсудим вопрос. кто идёт, пишите, до встречи!

И его вариант на олбанском:

друзья! кто сегодня пайдед на вечеринку? давайте апсудим вопрос. кто идйод, пешите, до встречи!

Это типичные примеры созданного внутри языковой системы балласта, который претендует на самостоятельное существование. И поскольку сегодня комфортное пространство существования молодёжи – это сеть, то отрицательные результаты использования такого языка скоро станут очевидными.

Таким образом, существуют два пути возникновения языкового балласта – внешний и внутренний. Внешний балласт связан с иностранными словами с чёткой семантикой, такие слова встраиваются в структуру естественного языка, особенно при условии их близкого или подобного созвучия, и со словами с размытой семантикой, не привязанной к предметам в языке-оригинале. Такие слова длительное время существуют как балласт, они тяжело встраиваются в систему естественного языка и довольно отрицательно влияют на сознание, меняя или перестраивая коды культуры и переориентируют нравственные законы, видоизменяют поведенческие комплексы человека, смысловая компрессия обедняет картину мира человека. Внутренний балласт существует как искусственное новообразование в виде *язык в языке*, он полностью организован в границах грамматических структур, но его проблема на лексическом уровне, а именно – отрицании существующих языковых правил (как слышим – так и пишем), номинации лиц, состояний, чувств и действий. Если внешний балласт способен расширять понятийное и смысловое поле языка, с одной стороны, или вносить смысловую избыточность, что затрудняет его понимание, с другой стороны, то внутренний балласт сужает смысловое поле естественного языка и создаёт смысловые константы, что со временем может привести к обеднению не только языка, в частности, но и культуры, в целом. Общим для обеих типов балласта является смысловая компрессия, которая приводит к потере возможности человека обогащать и расширять картину мира и при помощи языка развивать сознание.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Afanasyev 1996:** Afanasyev, Alexandr. *Origin of the myth: Articles on folklore, ethnography and mythology*. Moscow: Indrik, 1996. [In Russian: Афанасьев, Александр. *Происхождение мифа: Статьи по фольклору, этнографии и мифологии*. Москва: Индрик, 1996.]
- Campo 2017:** Campo, Alessandra. “Del sacrificio. Note su *Contro il sacrificio. Al di là del fantasma sacrificale* di Massimo Recalcati (Cortina 2017).” *LETTERA. Psicoanalisi e contemporaneità*, no 5 (2017). <http://lettera.alidipsicoanalisi.it/wp-content/uploads/2018/01/Contro-il-sacrificio.-Alessandra-Campo.pdf> (in Italian). Accessed 30.09.2018.
- Fodor 1975:** Fodor, Jerry Alan. *The Language of Thought*. Harvard University Press, 1975.
- Geipel 2015:** Geipel, Janet. “The Foreign Language Effect on Moral Judgment: The Role of Emotions and Norms.” *Plos One*, 10 (7) (2015). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0131529>. Published 15.07.2015.
- Kant 2007:** Kant, Immanuel. *Critique of Pure Reason*. Moscow: Eksmo; St. Petersburg: Midgard, 2007. [In Russian: Кант, Иммануил. *Критика чистого разума*. Москва: Эксмо; Санкт-Петербург: Мидгард, 2007.]
- Kasyanova 2008:** Kasyanova, Lyudmila. “Cognitive factors creating a new word”. *News of the Volgograd State Pedagogical University*, no 1 (2008): 75–82. [In Russian: Касьянова, Людмила. “Когнитивные факторы порождения нового слова.” *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, вып. 1 (2008): 75–82.]
- Katsnelson 2001:** Katsnelson, Solomon. *The category of language and thinking. From the scientific heritage*. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2001. [In Russian: Кацнельсон, Соломон. *Категория языка и мышления. Из научного наследия*. Москва: Языки славянской культуры, 2001.]
- Leontiev 1997:** Leontiev, Aleksey. *Fundamentals of psycholinguistics*. Moscow: Smysl, 1997. [In Russian: Леонтьев, Алексей. *Основы психолингвистики*. Москва: Смысл, 1997.]
- Lorenz 1988:** Lorenz, Konrad. *La acción de la Natureleza y el destino del hombre*. Madrid: Alianza, 1988 (in Spanish).
- Ocheretyany 2017:** Ocheretyany, Konstantin. “Delegated perception: technical modifications of sensory experience.” *Philosophy of Science and Technology*, no 1 (2017): 137–151. [In Russian: Очеретяный, Константин. “Делегированная перцепция: технические модификации чувственного переживания.” *Философия науки и техники*, вып. 1 (2017): 137–151.]
- Rose 1995:** Rose, Steven. *Memory device. From molecule to consciousness*. Moscow: Mir, 1995. [In Russian: Роуз, Стивен. *Устройство памяти. От молекулы к сознанию*. Москва: Мир, 1995.]
- Vinogradov 2006:** Vinogradov, Venedikt. *Translation: general and lexical questions*. Moscow: KDU, 2006. [In Russian: Виноградов, Венедикт. *Перевод: общие и лексические вопросы*. Москва: КДУ, 2006.]
- Virno 2013:** Virno, Paolo. *Grammar of plurality: to the analysis of the forms of modern life*. Moscow: Marginem Press, 2013. [In Russian: Вирно, Паоло. *Грамматика множественности: к анализу форм современной жизни*. Москва: Маргинем Пресс, 2013.]
- Wundt 2010:** Wundt, William. *Problems of the psychology of peoples*. Moscow: Academic Project, 2010. [In Russian: Вундт, Вильгельм. *Проблемы психологии народов*. Москва: Академический проект, 2010.]